

И. А. КАЗАКОВА*

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФРЕЙДОВСКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация: В статье на материале переходных и ранних аналитических работ Зигмунда Фрейда осуществляется попытка исследования становления психоаналитического языка. Ключевой гипотезой становится идея о том, что используемый Фрейдом на этом этапе своего творчества язык характеризуется тем, что можно назвать смысловым двоением и особого рода метафоризацией: с одной стороны, он остается языком физиологии и неврологии, то есть объективной науки, называющей вещи их именами, с другой стороны, весь этот язык в какой-то момент предстает физиологической метафорой, и семантическое укоренение этого языка при этом происходит в совсем иной почве — в почве интуиций фрейдовского мышления относительно устройства психического. Этот язык, с одной стороны, можно назвать псевдо-физиологическим, с другой — прото-психоаналитическим, который во многом пока еще использует слова прежнего научного лексикона, но обозначает ими уже нечто иное. Основными фрейдовскими понятиями, по пути которых осуществляется данное исследование, являются понятия количества (энергии), проторения (Bahnung), конверсии.

Ключевые слова: конверсия, проторение (Bahnung), сумма возбуждения, количество (энергии), фрейдовское мышление, фрейдовский язык, физиологическая метафора.

I. A. KAZAKOVA

ABOUT THE ORIGIN OF THE FREUD LANGUAGE

Annotation: Based on the material of early analytical works by Sigmund Freud, the article attempts to study the formation of a psychoanalytic language. The key hypothesis

* Казакова Ирина Анатольевна, кандидат психологических наук, независимый исследователь.

** Данная статья является расширенной переработкой доклада, сделанного в Ижевске в 2015 году на конференции «Фрейд и русские» под названием «Набросок одной психологии. Гениальные интуиции и ложные догадки Фрейда».

is the idea that the language used by Freud at this stage is characterized by what can be called semantic doubling and a special kind of metaphORIZATION. On the one hand, it remains the language of physiology and neurology, on the other hand, at some point it appears as a physiological metaphor. And the semantic rooting of this language occurs in a completely different soil - in the soil of the intuitions of Freudian thinking regarding the structure of the psychic. On the one hand, it can be called pseudo-physiological, on the other hand, proto-psychoanalytic, which in many ways still uses the words of the former scientific lexicon, but means something different. The main Freudian concepts along which this research is carried out are the concepts of quantity (of energy), breaching *Bahnung*, conversion.

Key words: conversion, breaching (*Bahnung*), amount of excitement, quantity (of energy), Freudian thinking, Freudian language, physiological metaphor.

Введение

Современный психоаналитический язык предстает самостоятельным развитым языком описания и концептуализации феноменов человеческого существования. При этом то и дело к нему возникает огромное количество вопросов со стороны других дисциплин, также занятых изучением психического, прежде всего, со стороны психиатрии, психологии, психотерапии и философии. Суть этих претензий зачастую не носит ясного предметного характера, а, скорее, либо обнаруживает фрустрацию, связанную с непониманием, либо обретает характер критики с очень предсказуемым рисунком — обвинением во всякого рода редуccionизме. Это ничего не говорит о самом психоаналитическом языке, но уже нечто говорит о его организации, например, — о высокой степени его герметичности и каком-то отличающемся использовании семантических порядков устройства речи. В «Истории психоаналитического движения»¹ (1910) Фрейд пишет, что субъективность и пристрастность его изложения в этом очерке никого не должна удивлять, поскольку психоанализ является его собственным творением: «на протяжении десяти лет я был единственным, кто им [психоанализом] занимался, и все то неудовольствие, которое вызывало у современников это новое явление, сыпалось критикой на мою голову. И я считаю совершенно справедливым придерживаться той точки зрения, что даже сегодня, когда я уже не являюсь единственным психоаналитиком, никто лучше *меня* не может знать, что такое психоанализ, что

отличает его от иных способов исследования душевной жизни, и что должно утверждаться его именем или, лучше сказать, именоваться»^{2, 3}. И мы должны признать вслед за Фрейдом тот факт, что психоанализ имеет своего автора, что за психоаналитическим языком стоит авторское мышление, мышление конкретного человека — Зигмунда Фрейда. Сам способ мыслить психическое, которое производит Фрейд своим существованием, рождает тот язык, который мы сегодня называем психоаналитическим. И чтобы понять устройство этого языка, приходится неизбежно обратиться к ситуации его рождения и внимательно ее рассмотреть.

О предпосылках

3. Фрейд поступает на медицинский факультет Венского университета в 1873 году, в 1881 году получает ученую степень доктора, попадает в очень динамично развивающуюся научную среду и планирует заниматься научными исследованиями. XIX век произвел огромное количество попыток симптоматологического описания душевных расстройств, которые пока еще, на момент вхождения в эту среду Фрейда, не интегрированы на каком-либо едином основании, а скорее представляют собой развернутое и весьма пестрое протонозологическое пространство. Первый проект Международной классификации болезней появится только в 1893 году, и лишь в 1900 году будет утвержден с условием пересмотра каждые 10 лет. В том же 1900 году в «Толковании сновидений» будет изложен и первый целостный психоаналитический проект Фрейда, и к этому моменту пропасть между теорией психоанализа и психиатрическим мейнстримом окажется уже непреодолимой.

Вторую же половину 1870-х годов и начало 1880-х Фрейд проводит в активной экспериментально-научной работе, которая не имеет никакого отношения к человеческой душе. Здесь важно отметить, что в данный исторический момент уже существует самостоятельный физиологический научный язык и соответствующий понятийный аппарат, описывающий морфологию живого и его функционирование. Это тот язык, из которого произрастет вся современная нейроанатомия и нейрофизиология. И Фрейд приходит в этот очень энергично становящийся понятийный аппарат нейронауки. Технические усиления, которыми обогащается естествознание в это время за счет успехов в физике

и химии, позволяет все глубже проникать в живое тело и рождает огромный оптимизм по поводу возможностей познания устройства живого организма и, в частности, нервной системы. Фрейд чрезвычайно увлечен этими вопросами. Во втором томе книги Генри Ф. Элленбергера «Открытие бессознательно» мы находим подробные описания времен работы Фрейда в лаборатории в Институте сравнительной анатомии профессора Клауса:

«В течение шести лет, проведенных в лаборатории Брюкке, Фрейд исследовал на высоком уровне органические объекты (...). Он начал с узкого исследования некоторых клеток в спинной хорде определенного вида рыб (...). Затем Фрейд обратился к исследованиям менее известных областей нервной системы. Таковой явилась его работа о *corpus restiforme* и о клетках акустического нерва. Это был тип работы, посредством которой такие люди, как Огюст Форель и Константин фон Монаков, прославились в мире невропатологов (...). С концептуальной точки зрения, Фрейд написал статью “О структуре элементов нервной системы”, которую некоторые историки рассматривают как предвосхищение теории нейрона»⁴.

Фрейд мечтает о научной карьере, однако ему приходится вынужденно менять фокус своих интересов с чисто научных на клинические. Эта часть его жизнь довольно подробно освещена в ряде изданных переписок — мы, очевидно, имеем дело с вынужденным разворотом исследовательского внимания. Что значит это изменение фокуса? Научное исследовательское усилие предполагает особый род внимания, отличающийся от практического клинического. Первое опирается на объективные наблюдения и эксперимент, второе — на эмпирические наблюдения и интуицию. Практикующему врачу нужно хорошее клиническое чутье. Лабораторному исследователю нужно предельно объективировать свое «чутье», вывести его в область верифицируемой процедуры. Фрейд, переполненный нереализованными научными амбициями, оказывается в практической клинической ситуации. Он начинает с хирургии, потом переключается на неврологию и невропатологию. В 1883 году он начинает работать в психиатрическом отделении и, помимо научной работы, начинает заниматься наблюдением клинических картин различных душевных страданий и, прежде всего, случаев истерии, которая оказывается в центре внимания исследований психиатров того времени. В 1885 году он получает возможность стажировки в Париже у Жана-Мартена Шарко, где

вынужденная смена фокуса окончательно превращается в искреннюю увлеченность. Список ключевых публикаций этого десятилетия хорошо показывает это смещение концентрации исследовательского внимания Фрейда:

Новый метод изучения проводящих путей в центральной нервной системе (1884),

Структура элементов нервной системы (1884),

Бацилла сифилиса (1884),

О действии кокаина (1885),

Перевод и предисловие к переводу книги Ж.-М. Шарко (Лекции о заболеваниях нервной системы, в особенности истерии) (1886),

О мужской истерии (1886),

Афазия (1888),

Гипноз и внушение (1888),

Психическое лечение (лечение души) (1890),

Детские параличи (1891),

Случай гипнотического исцеления с заметками о возникновении истерических симптомов (1892–1893),

О психическом механизме истерических феноменов (1893),

Защитные нейропсихозы (1894),

Исследования истерии (1895, совместно с Й. Бройером),

О механизме навязчивых представлений и фобий (1895).

В середине 1890-х годов Фрейд активно осваивает себя как клинициста, он изучает техники гипноза и все более обстоятельно вглядывается в клиническую картину неврозов. Работы, которые выходят в это время, предлагают нам обширное поле для исследования того языка, который рождается на этом мучительном жизненном перекрестке. Речь идет, прежде всего, о текстах, опубликованных в первом томе «Собрания сочинений» Фрейда⁵, в который входят в том числе некоторые из выше указанных работ 1892–1899 гг., а также вышедший впервые лишь в 1950 году черновик под названием «Набросок психологии», написанный, однако, Фрейдом на рубеже 1894–1895 годов. Таким образом, долгое время этот текст не был доступен для изучения, хотя, как представляется, именно он оказывается наиболее значимым свидетелем рождения фрейдовского психоаналитического языка.

Рождение языка. Конверсия

Итак, Фрейд попадает в исследовательский мир душевной патологии, в котором застает два динамично развивающихся научных языка: психиатрический и нейрофизиологический. И, оказываясь в клинической среде, изначально он начинает проблематизировать и мыслить встречающиеся ему явления в разметке этих двух языков. Однако на то, каким образом целый ряд клинических исследователей, старших современников Фрейда, начинают осмысливать душевные расстройства, оказывают влияние не только клинические, но и ряд философских и психологических традиций XVIII–XIX века. Когда Пьер Жане, один из основателей учения о психогенном происхождении истерии, создает объяснение истерических феноменов, он задействует для этого термин *диссоциации*. На первый взгляд, данное понятие также можно считать за понятие принципиально нового порядка, нежели те, которыми орудовали тогдашние физиология или психиатрии. Но, как указывает ряд авторов⁶, и с ними сложно не согласиться, Жане использует понятие диссоциации в узком смысле как противоположность ассоциации. И здесь мы сразу сталкиваемся с влиянием ассоцианистской традиции, которая в своих классических версиях в основе своей содержит механистическое представление о способе функционирования психики по принципу ассоциаций элементов. Психика или сознание предстают совокупностью элементов с определенной степенью связности. Когда Жане говорит о диссоциации, он подразумевает изначально врожденную слабость к психическому синтезу. Идея диссоциации у Шарко не переходит в иное измерение. Это — маркировка, обозначающая своего рода буквально физический «автоматизм» расщепления психики. Фрейда категорически не устраивает такой способ мышления. Он не устраивает его интуитивно своей узостью и невозможностью разместить наблюдаемые им психические явления без того, чтобы они не лишились своей специфичности. В «Защитных нейропсихозах» он пишет: «Согласно учению Жане, первичной чертой истерического изменения является расщепление сознания. Последнее имеет основание во врожденной слабости способности к психическому синтезу, в узости “полей сознания (*champ de conscience*)”, что как психическая стигма свидетельствует о дегенерации истерического индивида»⁷.

Фрейд восстает против какой бы то ни было идеи врожденного и выводит объяснение в область психического и приобретенного: всякое расщепление

вторично, в нем участвует воля человека: «Разумеется, я не утверждаю тем самым, что больной намеренно производит расщепление своего сознания; намерение больного — другое, но оно не достигает своей цели, а вызывает расщепление сознания»⁸. Мыслить об этом Фрейда вынуждает противоречивая этиология, точнее сказать, то место наблюдения симптома, где дихотомическая психофизическая концептуализация не срабатывает: психический симптом есть, а органического поражения нет. Его старшие коллеги демонстрируют страсть к поиску органической причины. Вышеупомянутое техническое усиление естествознания подкрепляет эти амбиции, органическое кажется все более доступным, оно становится предметом страсти ученого. Это — время рождения грандиозных психофизических чаяний: найти тотальные соответствия, установить тотальную гомологию. Причем причины болезней помещаются в физическое (соматическое), а следствия или проявления — в психическое. Психическое мыслится как производное соматического. Психическому все еще трудно удивиться самому себе. Но для Фрейда это не значит, что нужно сдаться перед этой психофизической фрустрацией. Он как раз позволяет совершить себе это удивление и задержаться в этой фрустрации. И в этом усилии Фрейда производит понятие, которое сильно отличается от всего предыдущего понятийного ряда и кажется не выводимым из существующих на тот момент дисциплинарных понятийных аппаратов. Речь идет о понятии *конверсии*. Откуда оно вдруг взялось?

В «Истории психоаналитического движения» мы читаем: «Бройер, всякий раз когда он должен был задумываться о конверсии в своем теоретическом сообщении к “Исследованиям истерии”, добавлял в скобках мое имя, как будто эта первая попытка теоретического отчета была моей умственной собственностью. Я думаю, что это атрибуция относится только к именованию, в то время как само представление возникло у нас одновременно и совместно»⁹. Фрейд исследует историю себя через историю психоанализа, одно от другого неотделимо. Работа мышления Фрейда неотделима от работы языка.

В «Защитных нейрпсихозах»¹⁰ Фрейд пишет: «В общем и целом процессы при истерии и при фобиях и навязчивых представлениях — одни и те же; но расходятся их пути. При истерии обезвреживание непереносимого представления происходит посредством того, что *сумма возбуждения* (Erregungssumme) перемещается в телесное (Körperliche), для чего я бы хотел

предложить название *конверсии* (*Konversion*)¹¹. О какой такой сумме возбуждения идет речь?

Пойдем следом за Фрейдом: «Конверсия может быть тотальной или частичной и происходит в ответ на моторную или сенсорную интервенцию, которая находится в тесной или более слабой взаимосвязи с травматическим переживанием. “Я” тем самым освобождается от противоречий, но взамен этого нагружается символом памяти, который по типу паразита хозяйничает в сознании в качестве неразрешимой моторной иннервации или постоянно повторяющегося галлюцинаторного ощущения, и который сохраняется, пока конверсия не развернется в обратном направлении»¹². Здесь хорошо видно, как «плавится» язык, как за счет введения слова «конверсия» «плавится» граница между психическим и физическим, психофизическая проблема обретает дополнительное звучание, и эта граница маркирует не только патологически проявленную границу психического и соматического, она не только — психо-соматическая, но она — языковая, дискурсивная. Потому что что такое — «конверсия»? Это слово-конструкция, это слово — логическая связка, это в некотором смысле пока еще «пустое» слово, за ним еще как будто не было значения. Так создается, набрасывается, намечается территория нового языка. Это слово, которым Фрейд столбит ту новую территорию, на которой он оказывается. Слово, которое обрастает семантической плотью по мере повествования, — иногда кажется, что «Исследования истерии» решают именно эту задачу — легализации нового объяснительного принципа и нового языка. Очень быстро эта *конверсия* оказывается способна создавать *защиту*. Появляется понятие *способности к конверсии*, определяющей тип невротического реагирования, появляется идея *вытеснения*, *отреагирования* и пр. Логика появления этих понятий теперь уже понятна. Она выстраивается вокруг идеи психического механизма, поскольку *конверсия* — это описание той интуиции, которую можно назвать идеей психического механизма, которая позволяет выхватить территорию собственно психического. Так еще не было ни в какой психологии — что психическое имеет причиной само себя и может быть понято через само себя. И эта идея требует топики, которая вскоре создается, и которая будет новой теорией, которая уже не особенно помнит о своем темном происхождении. Но именно к этому темному прошлому и хотелось бы сейчас обратиться — к тому плавильному котлу, в котором рождаются эти интуиции. Тем самым я перехожу к самой, может быть, трудной и вязкой части исследования — анализу языка, которым создан «Набросок психологии».

«Набросок психологии»

Напомню, что речь идет о проекте научной психологии. Однако первое, что сразу довольно легко заключить при чтении, состоит в том, что «Набросок» во многом осуществлен в научной стилистике, характерной для физиологии конца XIX века¹³, за тем вычетом, что произведение это является в прямом смысле наброском, в нем много сокращений, схематического изложения, при том, что имеется выдержанная структура и сведенный к целому замысел.

«(...) Такие процессы, как раздражение, замещение, конверсия, разрядка напряжения, которые там приходилось описывать, сразу подводили к трактовке нейронного возбуждения как текучих количественных изменений. Попытка более широкого применения добытого таким путем знания не казалась такой уж неуместной. Исходя из этого рассмотрения, можно было разработать базовый принцип нейронной активности с учетом [принципа] количества, который обещал многое прояснить благодаря тому, что он, казалось, охватывает функцию целиком. Это и есть принцип нейронной инертности; он означает, что нейроны стремятся избавиться от количества. В соответствии с этим можно понять как строение и развитие, так и работу нейронов. Принцип инертности объясняет, прежде всего, факт структурной разделённости нейронов на два вида: моторные и сенсорные, как устройство приема количества через его отдачу. Рефлекторное движение теперь становится понятным как прочная форма этой отдачи. Принцип инертности поставляет мотив для рефлекторного движения. Если вернуться еще на несколько шагов назад, то нейронную систему, как преемственницу всеобщего свойства раздражимости протоплазмы, связывали с раздражимой наружной поверхностью, которая перемежается большими по размеру нераздражимыми участками. Первичная нейронная система пользуется этим приобретенным таким образом количеством для того, чтобы отдавать его посредством связи с мускульной машиной и сохраняет таким образом состояние нераздраженности. Эта разрядка напряжения представляет первичную функцию нейронной системы. Благодаря тому, что из всех путей *разрядки напряжения* предпочитают и сохраняются такие, с которыми связано прекращение раздражения, бегство от раздражения, здесь есть место для развития вторичной функции»¹⁴.

По всему видно, что автор спешил, писал быстро, на одном дыхании. Соответственно, высказанное выше, легко подтвердить, если взять для чтения, например, «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, один из ярких образов научного физиологического трактата второй половины XIX века, и услышать, что стилистически эти работы очень созвучны. В «Наброске» сплошь и рядом «наступаешь» на физиологию XIX века — в нем можно найти отголоски почти всех открытий, так или иначе касающихся устройства нервной системы и ее функционирования, совершенных к тому моменту¹⁵.

Манускрипт возникает осенью 1895 года. 25 сентября были готовы две части, третья часть писалась 5–8 октября, четвертая часть осталась незаконченной. В письме Фрейда Флиссу от 29 ноября 1895 года мы находим: «Для науки я полностью потерял [...]. То духовное мое состояние, в котором я замышлял Психологию, я более не понимаю»¹⁶. Он откладывает создание проекта психологии по самым разным причинам: написание более срочных работ, анализ клинических случаев, ему все труднее возвращаться к черновикам, чтобы шлифовать свою мысль, кажется, что проект растворяется по мере попытки его схватить, время гонит Фрейда вперед, туда, где в своих интуициях он с нарастающей скоростью опережает имеющиеся у него способы научной концептуализации. Мысли Фрейда развиваются очень стремительно, примерно через год уже оформится идея устройства психического аппарата, как она будет представлена в «Толковании сновидений» в 7 главе. В письме Флиссу от 6 декабря 1896 года мы находим последнее упоминание «Наброска», и после этого Фрейд оставляет попытки выстроить теорию психического в терминах физиологии мозга.

То есть очевидно, что «Набросок» является наивысшей точкой развития Фрейда как нейрофизиолога и невролога и, в то же время, точкой, обнуляющей его в этом качестве. Потому что, несмотря на то, что он использует язык современной ему физиологии и неврологии для построения научной психологии, с этим языком происходит нечто, что мы при чтении схватываем как что-то вроде расслоения его на два измерения: с одной стороны, этот язык остается языком физиологии и неврологии, то есть объективной науки, называющей вещи их именами: нейрон — это нейрон, нервная клетка, определенное физическое тело, структурно-функциональная единица нервной системы; проводящие пути — это проводящие пути, образованные длинными отростками нейронов; нервный импульс — это электрический заряд;

проторение — это процесс физиологического облегчения проведения нервного импульса за счет изменения свойств проводящей материи, происходящего под воздействием этого импульсного воздействия и т. д. С другой стороны, как в переливных (стереорастовых) изображениях, весь этот язык вдруг в какой-то момент предстает как бы *физиологической метафорой*, и семантическое укоренение этого языка при этом, как кажется, происходит в иной почве — в темной почве фрейдовского мышления. И этот язык есть то, что можно назвать *псевдо-физиологическим* или, если мы знаем дальнейшую историю и объявляем точкой отсчета в нашем изыскании уже сложившийся фрейдовский психоанализ в его психоаналитическом языке, то еще и *прото-психоаналитическим* языком, который во многом пока еще использует слова научного лексикона, но обозначает ими уже нечто иное. Это слова, которые обретают тень, которые говорят больше того, что называют. Причем при схваченной здесь идее физиологической метафоры отдельным остается вопрос о конкретном устройстве этой метафоризации.

Итак, двойное языковое измерение, расслоение дискурса, где слова перестают иметь однозначную укорененность, — то, что характеризует эту работу. Равноположенно в одном смысловом измерении звучат слова «желание» и «нейрон», «удовольствие» и «проведение возбуждения», «эго» и «организация нейронов». Нужно отметить, что физиология и психология конца XIX века во многом как раз и вещаются на таком вот одном пока еще общем научном языке, в котором уже отчетливо слышны специфические термины, где пока еще не произошла дифференциация дискурсов. Апогеем такого прото-слияния языков в «Наброске» является понятие *проторения* (*Bahnung*). Это один из узлов, в котором завязана интрига дискурсивных превращений. И даже только благодаря этому можно считать «Набросок» если не гениальным текстом, то гениальным местом, в котором обнаружила себя одна из ключевых метаморфоз познания и того превращения фрейдовского мышления и языка, которое обозначено предметом данного исследования.

Количество, энергия, проторение

Конверсия, как уже выше было отмечено, описывает перемещение *суммы возбуждения* (*Erregungssumme*) в телесное (*Körperliche*). Таким образом,

понятие количества (*Quantität*) оказывается одним из несущих понятий всей выстраиваемой Фрейдом конструкции. Словосочетания *сумма возбуждения* (*Erregungssumme*) и *квант аффекта* (*Affektbetrag*), которые мы застаем в «Защитных нейропсихозах», имеет его своим прародителем. Это своего рода сырье будущего психоаналитического языка. Речь идет о количестве, которое течет по нервным путям (*Nervenbahnen*), но способ мышления опережает слова: «Тревожное ожидание — ядерный симптом невроза; [...]. Можно сказать, что здесь существует некоторое количество свободно плавающего страха (*Quantum Angst*), который в ситуации ожидания овладевает представлениями»¹⁷.

В «Наброске» видно, что одно из наиболее часто употребляемым слов — количество, обозначаемое как Q, — зачастую подразумевает другое слово — *энергия*. Это уже другой вопрос, что дальше произошло с понятием энергии у Фрейда, которое, попав в новый, психоаналитический дискурс, естественно, поменяло свою конституирующую функцию. В «Наброске» оно встречается лишь трижды, но ясно, что далее и везде оно присутствует по умолчанию: передача [энергии], поток [энергии], наполнение [энергией], накопление [энергии], загрузка [энергии], отведение [энергии], сброс [энергии], разрядка [энергии], кванты [энергии], распределение [энергии] и т. д. Энергия — это физический субстрат всех процессов в нервной системе, в том числе — психических. Первый раз само слово *энергия* появляется в параграфе «Биологическая точка зрения»:

«Прежде всего, бесспорно то, что внешний мир является источником всех больших количеств энергии, так как исходя из физикалистского познания, существуют огромные, бурные массы, которые распространяют свое движение. Система Ф, обращенная к этому внешнему миру, будет иметь задачу как можно быстрее разрядить проникающие к нейронам количества (Q η), но всякий раз будет подвержена воздействию больших количеств (Q η)»¹⁸.

В параграфе «Проблема качества» понятие энергии звучит в том месте, где Фрейд вводит понятие периода:

«Я вижу только один выход — пересмотреть базовую посылку о разрядке количества (Q η). До этого я рассматривал его лишь как перенос количества от одного нейрона к другому. Но должен быть еще параметр, временной природы,

поскольку специалисты в области физической механики также приписывали эти временные характеристики другим движениям масс внешнего мира. Коротко я называю это: *Период*. Таким образом, я хочу допустить, что для всякого сопротивления [в местах] контактных барьеров действителен только количественный перенос (Q), но что период нейронного движения беспрепятственно распространяется повсеместно, равно как и процесс индукции.

Для физического прояснения здесь много есть, чем заняться, так как всеобщие законы движения также непротиворечиво должны проявиться здесь в полной мере. Но это допущение идет дальше и утверждает, что нейроны восприятия неспособны принимать количество (Q η), для этого осваиваются *периоды* возбуждения, и что это их состояние от момента возникновения возбуждения через периоды при наименьшем количественном выполнении (Q η) является фундаментом сознания. Ψ -нейроны, конечно, также имеют свои периоды, единственное, они лишены качества, лучше сказать: монотонны. Отклонения от этого собственного психического периода в виде качества становятся сознанием.

Откуда берутся отличия в *периодах*? Все указывает на органы чувств, качество которых должно быть позиционировано различными периодами нейронного движения. Органы чувств действуют не только как ограничители количества (Q), как и все нервные аппараты, но также как фильтр-решетка, благодаря тому, что она пропускает только раздражения от определенных процессов с определенными периодами. Вероятно, тогда они переносят на Ф(-систему) эти отличия, тем, что они каким-то аналогичным образом сообщают нейронному движению различные периоды (специфическую энергию), и это те модификации, которые продолжают осуществляться, переходя от Ф через ψ к W (*нейронам*), и там, где они оказываются практически лишены качества, производятся (генерируются) осознанные ощущения качества. Это распространение качества не является прочным, оно не оставляет после себя следов, и оно невоспроизводимо»¹⁹.

Я привожу этот фрагмент целиком, чтобы было понятно, что в основе размышлений Фрейда лежит не что иное, как физическое понятие энергии. И эта энергия становится специфической энергией, потому что органы чувств «пропускают только раздражения от определенных процессов с определенными периодами». Этот поток энергии, захватываемый органами чувств, — не хаотичен, он периодичен. И обусловлен в том числе и морфологической

организацией приемных устройств, иначе — органов чувств, которые принимают не любой, но только определенным образом организованный поток энергии от внешнего стимула. Речь о рецепторах как непосредственно тех структурных образованиях, в которых эта работа по приему осуществляется и происходит первичное преобразование энергии воздействующего стимула в энергию нервного импульса за счет механизмов кодирования, здесь не идет (хотя Пауль Эрлих примерно в то же время уже сформулировал идею рецептора, которая актуальна и в сегодняшние дни), но в законе о специфичности, которую сформулировал еще Мюллер, несмотря на то, что ответственным за специфичность он назначил сами нервные образования органа чувств, эта эвристическая идея заложена. Потому верно и то, что органы чувств специфичны в восприятии тех или иных раздражителей, то есть воспринимают какой-то определенный тип энергии (мы не говорим сейчас о случаях синестезии), и то, что в рецепторах происходит преобразование пространственно-временных характеристик стимула для его передачи в центральные отделы нервной системы.

Фрейд использует понятие *периода* как некоторого количественного принципа организации потока энергии в ответ на вопрос: если энергия — всегда одна и та же, если единственная ее характеристика — количество, но как мы получаем различные по качеству ощущения и восприятия? Кодирование информации — это одна из важнейших теоретических тем в современной физиологии, понимание которой лежит в основе понимания работы нервной системы вообще. Кодирование — это перевод характеристик внешнего раздражения во внутренние нервные коды, доступные для обработки и анализа нервной системой, т. е. в нервные импульсы. Нервный импульс имеет стандартную, всегда одинаковую, амплитуду потенциала действия. Это совершенно стандартный сигнал — вся, абсолютно вся нервная система передает информацию именно посредством генерирования вот такого потенциала. Невозможно передать по нервному волокну, например, половинку импульса или четверть импульса. Как же он тогда передаст информацию о разной силе раздражителя и тем более о его качестве? Современная физиология решает данную проблему с помощью понятий частотного или пространственного кода. Есть два основных вида кодирования: *частотное* и *пространственное*. Иногда их объединяют, и получается частотно-пространственное кодирование. Частотное кодирование состоит в том, что чем сильнее раздражитель, тем чаще будут идти производимые им импульсы.

Пример потоков нервных импульсов:

Слабый раздражитель: | | | | | | | |

Сильный раздражитель: | | | | | | | | | | | | | |

Пространственное кодирование заключается в том, что на определенные характеристики раздражения реагируют не все, а только определенные рецепторы. Возбуждение доставляется адресно в строго определенную нервную структуру для анализа. Таким образом, определенные параметры раздражителя, которые умеет снимать рецептор, он превращает в пропорциональное локальное электрохимическое возбуждение (рецепторный потенциал), а затем — в поток нервных импульсов определенной частоты и пространственной организации.

Фрейд предстает активным собеседником в нейрофизиологическом разговоре, но при этом он тут же нечто проделывает с теми чисто физиологическими понятиями, которые он использует. Он пытается «соединить знания о нейронах с количественной теорией ($Q\eta$)» и своим интуитивным пониманием собственно психического. На пути осуществления этой попытки появляется понятие *контактного барьера*. Это понятие бытовало в научных описаниях до появления морфофункционального термина «синапс», введенного в 1897 году Чарльзом Шеррингтоном. Речь здесь идет о структурно-функциональных образованиях, которые анатомически являются барьерами, но функционально — это контакт между двумя нейронами, или нейроном и мышцей (железой). Можно сказать, что Фрейд во многом предвосхищает понятие синапса²⁰, он не одинок в близости к этому назревающему открытию, но его исследовательское движение является абсолютно независимым. Машина под названием «синапс» долгое время оставалась метафорой с хорошим объяснительным потенциалом. Фрейд пишет в «Наброске»: «Мы не можем пока представить нашим мышлением аппарат, который делает возможной ту сложную работу»²¹, но, как кажется, именно внутрь этого аппарата он пытается заглянуть, до какого-то момента надеясь обнаружить в нем превращение психического. Ведь именно синаптические механизмы обеспечивают конвертируемость (*konvertierbar*) энергии нервного импульса в нервной системе. И если говорить по сути, то синапс — это и есть место превращения энергии нервного импульса, иначе — конвертации или конверсии энергии, которая обеспечивается, в свою очередь, процессами проторения (*Bahnung*).

Проторение

Как уже отмечались выше, слово *Bahnung* является одним из наиболее притягательных и непонятных в «Наброске». Слово *Bahnung* — существительное, являющееся производным от другого существительного — *Bahn*. При первом приближении его можно перевести его как *путь*, однако тут же нужно вспомнить, что в немецком языке есть другое слово для обозначения слова *путь* — это слово *Weg*. Как их различить? *Weg* имеем мы в виду, когда говорим о жизненном пути, о том, что кто-то куда-то держит путь и т. д. В отличие от этого, *Bahn* означает *проложенный путь*. Но вот, например, мы можем сказать *Feldweg* — то, что дословно переводится как полевая дорога или проселок. Казалось бы, речь тоже идет о некоем проторенном, проложенном пути, но подразумевается не *Bahn*, а именно *Weg*. Соответственно, мы встречаемся с некой более тонкой дифференцировкой, а именно — технологического свойства. Происхождение слова восходит к готическому *banja*, что означает *Schlag* (*лесосека / делянка / загонка / и др.*), *Wunde* (*рана — как возникшее вследствие ранения или операция открытое место в ткани, коже*), и означало первоначально *Schneise, Durchschau im Walde* (*коридор, просвет в лесу*). Данное слово не встречается ранее XII века, и очевидно, как отмечает этимологический словарь немецкого языка²², что речь идет о техническом выражении. Это отражено в следующем словоупотреблении: *Bahn* означает *glatter, vorgezeichneter Weg* (*гладкий, предобозначенный путь*), *eine Lauf- oder Rennstrecke* (*беговая дорожка или гоночная трасса*), *den Weg der Gestirne oder eines Geschosses: Gestirnbahn*, (*путь небесных светил или путь снаряда: орбита, траектория*), *Tuchbahn* (*отрез сукна*), *gebahnter Weg* (*проложенный путь*). Этим словом *Bahn* также кратко обозначается *Eisenbahn* (*железная дорога*), *Strassenbahn* (*трамвай*).

Однокоренной глагол *bahnen* другой словарь²³ определяет следующим образом: *jemandem / sich einen Weg durch etwas / irgendwohin bahnen für jemanden / sich Voraussetzungen schaffen, durch etwas hindurch / irgendwohin zu gelangen*, что означает кому-либо / себе проложить путь через что-то / куда-то / для кого-то, создать предпосылки для того, чтобы достичь чего-то через что-то, добраться куда-то через что-то.

Приведем еще несколько устойчивых оборотов и выражений, в которых используется это слово в том или ином виде.

ich bahne mir einen Weg — я прокладываю себе путь;
einen Weg schaffen, gangbar machen — создавать (делать) путь, делать проходимым;

gebahnter Weg — проложенный путь, проторенный путь;
sich (D) Bahn brechen = sich durchsetzen — прокладывать путь, делать протор;

etwas auf die Bahn bringen — вводить что-то новое, вводить в оборот, ставить на рельсы;

in die gewohnten Bahnen zurückkehren — вернуться, обратиться к старым привычкам;

einer Sache Bahn brechen = einer Sache zum Durchbruch verhelfen — проложить / прорыть дорогу для чего-то; добиться, что-то было проведено, осуществилось, способствовать успеху какого-то дела;

freie Bahn haben = alle Schwierigkeiten beseitigt haben — иметь возможность протекать (проходить) беспрепятственно; удалить все препятствия.

Если стремиться к этимологической точности, то можно было бы создать слово «протор» для перевода слова *Bahn*. И тогда слово *Bahnung* справедливо становится торением или проторением. В каких контекстах оно звучало во времена написания Фрейдом «Наброска», и откуда оно могло попасть в его обиход? И вот как раз здесь все оказывается довольно просто. Выше уже упоминалось о Фрейде как физиологе и неврологе. В своей монографии «Открытие бессознательного» Элленбергер предлагает нам важный контекст:

«Для того чтобы сделать *Проект*²⁴ доступным пониманию, его следовало бы поместить в контекст, то есть в длинную линию эволюции, начавшуюся с Гербарта. Сквозь все девятнадцатое столетие анатомия мозга и психология выстраивались на научной и экспериментальной основах, но параллельно существовала линия умозрительной анатомо-психологии, которая в конце столетия получила название *Hirnmythologie* (мифология мозга). Довольно любопытно, но иногда те же самые люди, бывшие первооткрывателями научной анатомо-психологии мозга, не отказывали себе в удовольствии заниматься его мифологией, хотя считали себя «позитивистами» и пренебрегали натурфилософией. “Проект” Фрейда — не что иное, как поздний отпрыск этой гипотетической последовательности»²⁵.

Элленбергер несколько радикален в своей оценке. Можно, пожалуй, все-таки предположить, что те обобщения, которые наука добывает на основе своих экспериментальных фактов, при таком размышлении и сегодня могут быть названы мифологическими. Наука всегда отталкивается от края своих достижений, стремясь вырваться на уровень метапозиции, чем и задает известную диалектику своего развития. Но это рассуждение Элленбергера дает нам еще одно важное свидетельство: с одной стороны, того, что работа Фрейда этого периода абсолютно вписана в контекст своего времени, если мы говорим о развитии анатомии и физиологии нервной системы (основные «источники» «Проекта», как говорит Элленбергер, — работы Фехнера, Брюкке, Мейнерта и Экснера»), но, с другой стороны, и того, что язык его странен и необычен настолько, что причислить его основному научному тренду оказывается не совсем возможным. Вот разве только используя отсылку к «мифологии», то есть своего рода паранауке о мозге. Важна приводимая Элленбергером отсылка к работам Зигмунда Экснера:

«Экснер, третий из невропатологических учителей Фрейда, опубликовал свой труд “Entwurf” [Набросок, проект, эскиз] в 1894 году; его можно считать синтезом систем Брюкке и Мейнерта. В то же время, однако, появилась теория нейрона, и Экснер обсуждал, как *количество возбуждения* можно было бы переносить в точки пересечения нейронов, где, как он был убежден, происходит *суммирование возбуждений*. Экснер также предполагал, что точки пересечения нейронов могут испытывать изменения в течение жизни индивида, хотя бы на уровне одновременного возбуждения двух клеток. Экснер назвал этот процесс *Bahnung* (*прорытие каналов*²⁶), посредством которого одновременное возбуждение двух корковых клеток могло бы открыть нервный проводящий путь между ними и переносить возбуждение из одной клетки в другую, тогда любой из них впоследствии овладевает возбуждением. Он описывал эмоциональные центры, особенно болевые центры, центры неудовольствия. Под именами инстинктов он описывал ассоциации между идеями и эмоциональными центрами. Он широко развивал свою неврологическую психологию, давая объяснения восприятию, суждению, памяти, мышлению и другим психическим процессам»²⁷.

Итак, понятие *Bahnung* было общеупотребительным в физиологии конца XIX века. Однако справедливо ли это для физиологии сегодняшнего дня,

и в какой области физиологии нам следует его искать? В первом же немецком учебнике по неврологии в главе «Нейрофизиология» можно найти, что параграфы «Синаптические взаимодействия» и «Синаптическая пластичность» пестрят понятием «Bahnung». Вырезка одной из таких страниц представлена на рис. 1.

Abb. 2.6 a, b. Bahnung im Nervensystem. a Zeitliche Bahnung: Einzelreiz (ein Pfeil) und Doppelreiz (zwei Pfeile, Reizabstand etwa 4 ms) erzeugen jeweils ein unterschwelliges EPSP, der dritte Reiz (drei Pfeile) löst ein Aktionspotential (Hauptteil abgeschnitten) aus. b Räumliche Bahnung: Reiz 1 und Reiz 2 lösen je ein unterschwelliges EPSP aus. Gleichzeitige Reizung beider Axone (1+2) führt zu einem Aktionspotential. (Nach Birbaumer u. Schmidt 1996)

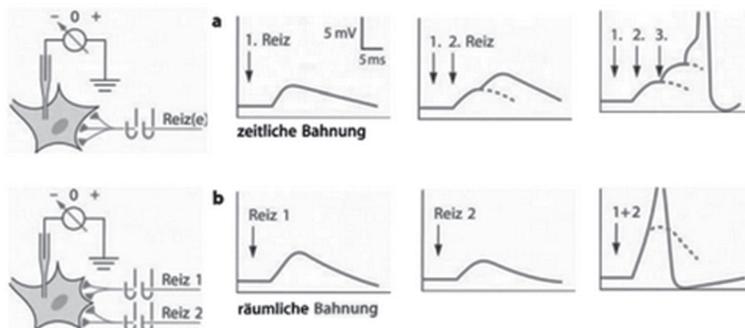

Рис. 1. Проторение в нервной системе²⁸

Это довольно типичная иллюстрация. На рисунке можно видеть два понятия «zeitliche Bahnung» и «räumliche Bahnung». Очевидно, что речь идет о двух основных типах суммации энергии нервного импульса: пространственной и временной (здесь слышен отзвук теории периодов, о которой говорилось выше). Говоря более современным научным языком, речь идет о механизмах синаптической пластичности. В нормальном состоянии синапс одновременно бомбардируется огромным количеством импульсов и работает как хорошо отлаженная машина по реорганизации этих импульсных потоков, усиливая одни из них и тормозя другие. Данная реорганизация осуществляется на основе следовых эффектов в пре- и постсинаптической мембране, лежащих в основе эффектов «облегчения и проторения путей». И хотя понятие «проторение» не является общеупотребительным в отечественной физиологии,

а используются, скорее, эти же термины данного ряда, но в калькированном с английского языка виде (депрессия, фасилитация, огментация, посттетаническая потенциация и т. д.), данные слова процитированы из монографии отечественного исследователя²⁹, что, по крайней мере, позволяет нам с полным правом утверждать, что понятие *Bahnung*, употреблявшееся Фрейдом, является тем самым понятием, которое в современной нейрофизиологии обрело совершенно конкретное значение, связанное с *изменением функциональной способности синапса к проведению нервного возбуждения*.

«Их [ψ-нейронов] контактные барьеры оказываются в постоянно изменяющемся состоянии. И так как психологический опыт показывает, что существует переобучение на основе памяти, то это изменение должно состоять в том, что контактные барьеры становятся более способными к проведению, более пропускными, следовательно, более похожими на нейроны Ф-системы. *Это состояние контактных барьеров мы хотим обозначить как степень проторения*. Тогда можно сказать: память представлена посредством проторения между ψ-нейронами»³⁰.

Здесь стоит упомянуть, что, пытаясь описать психику как целое, Фрейд вводит систему трех типов нейронов, различная функциональная активность которых как раз объясняется вышеописанными процессами проведения и проторения. Множество интуиций Фрейда позднее нашли экспериментальное подтверждение, другие были опровергнуты, но нам важно увидеть принципиальное различие этих групп, предлагаемое Фрейдом, которое как раз проистекает скорее не из экспериментального понимания устройства самих по себе единиц нервной системы, но из интуиций другого порядка, которые касаются психического и просят языкового размещения. Упомянутые в цитате ψ-нейроны, в отличие от более просто организованных нейронов восприятия и органического чувства, способны сохранять в себе энергию за счет того, что они оснащены системой так называемых контактных барьеров, что позволяет им осуществлять функционал не только количественного, но и качественно-уровня, иначе говоря, обеспечивать память, то есть создавать воспоминания. То есть ψ-нейроны — это «*непропускные* (оснащенные функцией сопротивления и задерживающие, резервирующие количество) нейроны, которые являются носителями памяти, и также, вероятно, психических процессов вообще. Я хочу, таким образом, первую из названных систем нейронов отныне

называть Ф, вторую — ψ»³¹. Фрейд вводит еще и третий тип нейронов — омега-нейроны, которые будут связаны с возможностью осознания.

В уже упоминавшемся письме Фрейда Флиссу от 6 декабря 1886 года³² Фрейд говорит о психическом механизме как процессе сложной дифференциации путем перераспределения связей (Umordnung) и образования новых записей, транскрипций (Umschrift). Из этой гипотезы следует и предварительная топика, в которой присутствуют узнаваемые элементы основной будущей топика.

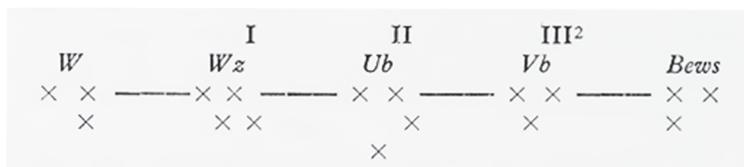

Рис. 2. Схема транскрипции психического следа в соответствии с нейронными носителями (W — нейроны, в которых возникает восприятие; Wz — первая транскрипция, принцип — ассоциация одновременности; Ub — вторая транскрипция — бессознательное, принцип — каузальность, сознание недоступно; Vb — третья транскрипция — предсознание, связывание со словесными представлениями, появляется доступ к материалу «нейрона», появляется возможность «перевода» психического материала в сознательный через ретроспективное или даже галлюцинаторное оживление; Bws — сознание).

«Если бы мне удалось полностью описать психологический характер восприятия и трех транскрипций, то я бы описал тем самым новую психологию»³³, — пишет Фрейд Флиссу. Но очень скоро ему уже не понадобится эта опорная нейронная конструкция, чтобы говорить о памяти и осознании. Ведь один из вопросов, который ставит Фрейд перед написанием «Наброска», звучит примерно так же, как звучит вопрос лауреата Нобелевской премии 2000 года «За открытия, касающиеся передачи сигналов в нервной системе» Э. Канделя, автора известной монографии «В поисках памяти»³⁴: почему есть воспоминания, как работают воспоминания, и почему они могут критическим образом определять какую-то конкретную жизнь? Очевидно, что этот вопрос начинает волновать Фрейда именно в процессе собственных клинических наблюдений, его постановка обусловлена тем самым темным

клиническим чутьем, которое в клинической работе не заменить никаким выверенным лабораторным или теоретическим инструментарием. Интуиция, касающаяся памяти как ключевого места, вокруг которого строится вся невротическая симптоматика, также происходит до рождения психоаналитического языка, — она просит заземления, она обращается к уже существующим способам описания и пытается пристроить себя в него, она ищет приличной концептуальной оболочки, такой, из которой она могла бы быть наиболее полно высказана. И, как кажется, для реализации в том числе этой потенции Фрейд пытается повернуть этот метафизиологический ход — с тем, чтобы в какой-то момент отказаться от физиологии и начать говорить от лица самого психоанализа.

Заключение

Попытка осмыслить рождение фрейдовского языка привела к работам того периода профессиональной карьеры Фрейда, который можно назвать переходным или маргинальным, или даже конверсионным, — в смысле превращения мышления и языка, которыми Фрейд сначала осмысляет психическое в его невротической патологии, а затем начинает выстраивать свой собственный жизненный проект под названием «психоанализ». «Набросок психологии» оказывается именно наброском, пробным проектом, и в то же время «плавильным котлом» нового языка. «Набросок» является наивысшей точкой развития Фрейда как нейрофизиолога и невролога, но также точкой, обнуляющей его в этом качестве. Потому что, несмотря на то, что он использует язык современной ему физиологии и неврологии для построения научной психологии, с этим языком происходит процесс необычного двоения: с одной стороны, он остается языком физиологии и неврологии, то есть объективной науки, с другой стороны, этот язык в какой-то момент предстает *физиологической метафорой*, и семантическое укоренение этого языка происходит в совсем иной почве — в почве интуиций фрейдовского мышления относительно устройства психического. Этот язык можно, с одной стороны, назвать *псевдо-физиологическим*, с другой, *прото-психоаналитическим*, который во многом пока еще использует слова научного лексикона, но обозначает ими уже нечто иное.

Приведенную в данной работе попытку понять, из каких хранилищ Фрейд достал слово *конверсия*, нельзя считать до конца удачной. Однако работа с ранними текстами все же позволяет предполагать его происхождение из физиологического научного наследия, а именно — фрейдовских попыток осмыслить *превращение физической энергии ощущений в психические компоненты аффектов*. Механизм конверсии начинает описывать собственно психическое — из психического же, из чего логично следует и основная психоаналитическая идея касательно техники психоанализа, — что психическое можно излечить психическим.

Вводя понятие физиологической метафоры и выводя ее основания в мышление самого Фрейда, одновременно указывается и тот момент, что не все из привлекаемых в данной статье источников происхождения его мышления приняты во внимания. В частности, за пределами рассмотрения остается каббалистическая традиция, причастность которой Фрейда³⁵ может участвовать в происхождении его интуиций и объяснять его непростое своеобразие в свете европейских научных языков его эпохи. Будущим исследованиям остается и устройство того способа метафоризации, который свойствен психоаналитическому языку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Freud S. Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung (1914). Gesammelte Werke, Imago, 1952. Bd. 10. S. 43–117.

² Ibid. S. 44.

³ Все переводы работ Фрейда представлены в переводе автора по оригинальным текстам.

⁴ Элленбергер Г. Ф. Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. Пер с англ. К. М. Бутырина, В. В. Зеленского, Э. А. Кривулиной, М. Г. Пазинной. СПб., 2004. С. 87.

⁵ Freud S. Gesammelte Werke. London. Imago, 1952.

⁶ Rediscovering Pierre Janet: Trauma, Dissociation, and a New Context for Psychoanalysis. Ed. Giuseppe Craparo, Francesca Ortu, Onno van der Hart. Routledge, 2019.

⁷ Freud S. Die Abwehr-Neuropsychosen. Versuch einer psychologischen Theorie der akquirierten Hysterie, vieler Phobien und Zwangsvorstellungen und gewisser halluzinatorischer Psychosen. GW, 1952. Bd. 1. S. 60.

⁸ Ibid. S. 61.

⁹ Freud S. Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung (1914) // Gesammelte Werke, Imago, 1952. Bd. 10. S. 46.

¹⁰ Freud S. Die Abwehr-Neuropsychosen. Versuch einer psychologischen Theorie der akquirierten Hysterie... S. 63.

¹¹ Выделения курсивом в цитате мои — И. К.

¹² Freud S. Die Abwehr-Neuropsychosen. Versuch einer psychologischen Theorie der akquirierten Hysterie... S. 63–64.

¹³ Важно отметить, что в 2015 году в издательстве «ERGO» вышел перевод «Наброска психологии» на русский язык, где эта физиологическая стилистика и терминология далеко не всегда сохранена; перевод некоторых физиологических терминов игнорирует научный физиологический контекст. В данной статье я пользуюсь оригинальным изданием: Freud S. Entwurf einer Psychologie. In.: Aus den Anfängen der Psychoanalyse 1887–1902, Издательство S. Fischer, 1975. S. 297–384.

¹⁴ Freud S. Entwurf einer Psychologie. In.: Aus den Anfängen der Psychoanalyse 1887–1902, S. Fischer, 1975.

¹⁵ Так случилось, что «Набросок» попал мне в руки именно в тот момент, когда волею судьбы мне довелось окончить учебный семестр на факультете биологии в лаборатории физиологии движения, где я теоретически и экспериментально занималась изучением морфо-функциональной организации движения, нервно-мышечной регуляции, в том числе и более всего на уровне синаптической передачи сигнала в нервно-мышечном синапсе. Кроме того, я интенсивно осваивала как раз ту историческую эпоху в нейрофизиологии, когда она зарождалась и переживала бурное развитие в связи с новейшими открытиями в области физики и химии, невероятным инструментальным скачком, благодаря которому человеческий глаз получил возможность заглядывать в самые недра природы, а человеческая рука — проникать в материю. То есть ровно в ту самую эпоху, которая уже обсуждалась выше в связи с контекстом становления Фрейда как исследователя.

¹⁶ Freud S. Briefe an Wilhelm Fliess. Abhandlungen und Notizen aus den Jahren 1887–1902. London, Imago, 1950. S. 145.

¹⁷ Freud S. Studien über Hysterie. GW, 1952. Bd. 1. S. 318–319.

¹⁸ Freud S. Entwurf einer Psychologie. S. 312.

¹⁹ Freud S. Studien über Hysterie. GW, 1952. Bd. 1. S. 318.

²⁰ Синапс — основная структурно-функциональная единица нервной система, обеспечивающая связь, передачу и перекодировку энергии нервного импульса.

²¹ Freud S. Entwurf einer Psychologie. S. 307.

²² Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen sprache (durchgesehene und erweiterte Auflage). Rev. by Elmar Seebold, 2013. Retrieved May 31, 2020 from http://etymology_de.deacademic.com/918/Bahn

²³ *TheFreeDictionary.com Deutsches Wörterbuch*. (2009). Retrieved May 31, 2020 from <http://de.thefreedictionary.com/bahnen>

²⁴ В переводе Элленбергера название текста приведено как «Проект психологии».

²⁵ *Элленбергер Г. Ф.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. С. 87.

²⁶ Данная монография переводилась с английского языка, мы сохраняем перевод таким, каким он дан в монографии.

²⁷ *Элленбергер Г. Ф.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. С. 87. курсив мой — *И. К.*

²⁸ *Berlit P.* (hrsg.) *Klinische Neurologie*. Berlin; Heidelberg; New York usw. & Springer, 1999. S. 43.

²⁹ *Петунин Ю. И.* Приложение теории случайных процессов в биологии и медицине. Киев, 1981. С. 187.

³⁰ *Freud S.* Entwurf einer Psychologie. S. 308.

³¹ *Ibid.*

³² *Freud S.* Briefe an Wilhelm Fliess. S. 185–186.

³³ *Ibid.* S. 187.

³⁴ *Кандель Э.* В поисках памяти. В пер. П. Петрова. М., 2011. — 736 с.

³⁵ Краткий обзор этой темы со ссылками на ряд монографических источников можно найти в работе: *Халтурин Ю. Л.* Фрейдизм и лурианская каббала: опыт типологического сопоставления. Сумма философии. Вып. к 40-летию философского фак. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 72–74.